

на», предполагает, что «писец сочувствовал врагам и оправдывал их агрессию против Тпига. Это могло иметь место в том случае, если надпись рассказывала о событиях более раннего времени, когда жители Тпига еще не были мусульманами и с оружием в руках сопротивлялись обращению в новую веру» (стр. 192, прим. 134). Подобного рода толкование не обосновано. Само начало текста «восстали против нас» говорит о взаимоотношениях людей, находящихся в отношении господства и подчинения. В иных случаях применялся бы трафаретный «напал на нас», «пришел против нас». В данном случае речь могла идти о селениях, находившихся в политической зависимости от Тпига. То, что в них население названо мусульманским, не служит доказательством отсутствия такового в самом Тпиге.

Чтение надписи № 280 из мечети квартала Самиял в Хунзахе также нуждается в уточнении. По ссылке на М. С. Саидова автор датирует эту надпись 734 г. хиджры. При внимательном изучении надписи на месте нам удалось уточнить дату — 934 г. хиджры, т. е. 1527—1528 гг. Стало быть, это не самая ранняя надпись из Аварии.

Невозможно согласиться также с рядом положений о степени развития социальных отношений в ряде районов Дагестана. Например, автор архаизирует, на наш взгляд, общественные отношения у жителей Гумика, признавая «наличие у них в X в. племенной организации» (стр. 181) на том основании, что арабский историк и географ ал-Масуди писал о жителях Гумика: «Они не подчиняются царю, но есть у них начальники». Наличие «царей» в Гумике зафиксировано еще в VI—IX вв. Одно это обстоятельство может поставить под сомнение вывод, сделанный со ссылкой на ал-Масуди. Л. И. Лавров не видит также особой разницы между ханствами и «вольными обществами» в Дагестане в отношении социального развития, придавая более важное значение форме правления (стр. 191).

Нам кажется, следовало бы справедливости ради отметить в комментариях, что на шамхальское кладбище в Кумухе, детально изученное Л. И. Лавровым, впервые обратил внимание дагестанский ученый Али Каяев и что «турки» из Ричинской надписи о борьбе с монголами идентифицированы с монголами дагестанским ученым Б. Молла-чихановым.

Первая сессия советских арабистов, состоявшаяся в июне 1935 г., в числе задач, стоящих перед арабистикой, наметила «систематическое собрание, издание и изучение материалов по арабской эпиграфике и палеографии»².

Л. И. Лавров внес большой вклад в изучение эпиграфического наследия народов Северного Кавказа. «Эпиграфические памятники Северного Кавказа X—XVII вв.» — первая серьезная и крупная сводная работа в этой области. Издание второй части исследования Л. И. Лаврова, посвященного памятникам XVIII—XIX вв., еще более обогатит наши знания об эпиграфическом наследии кавказских народов.

Х.-М. О. Хашаев, А. Р. Шихсандов

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ АЗИИ

Nepali Gopal Singh. *The Newars. An ethno-sociological study of a Himalayan community*. Bombay, 1965, XI, 476 p., 61 ill.

Рецензируемая книга профессора Индуистского университета в г. Варанаси (Индия) Г. С. Непали — первая обобщающая работа о неарах, посвященная основному населению Непальской долины, или долины Катманду. Основой для этой работы послужили главным образом полевые наблюдения автора в 1957—1958 гг. Г. С. Непали обследовал около 300 неварских семей, как городских (в Катманду), так и сельских (в деревне Панга), дополнив собранный материал результатами полевой работы в тераях и горных районах Непала. В книге использована также литература на английском языке, список которой прилагается в конце работы, — всего около 170 названий (правда, не все эти работы имеют прямое отношение к неварам).

Книга состоит из «Введения», 12 глав, посвященных материальной культуре неваров, их обычаям, семейным отношениям, кастовой системе, религии, праздникам, «Заключительных замечаний» и приложений.

Во «Введении» приводятся данные переписи 1952—1954 гг. в Непале, из которых явствует, что в эти годы там жило 383 тыс. неваров. Более половины из них (55%) сосредоточено в Непальской долине, где невары составляют 55% населения. 60,2% неваров живут в городах: в Катманду они составляют 68,44% населения, в Патане (Лалитпуре) — 78,44%, в Бхадгаоне (Бхактапуре) — 97,77% (стр. 24).

Большая часть «Введения» посвящена вопросу о происхождении и формировании неварской народности. Если название «Непал» упоминается уже в памятниках древнеиндийской правовой литературы «Артхашастре» Каутилы (IV—III вв. до н. э.), то первые сведения о неарах относятся к довольно позднему периоду — к концу X в. н. э. До сих пор окончательно не выяснено, кем были первые жители Непальской долины,

еще до нашей эры создавшие государство и достигшие сравнительно высокого культурного уровня. Не ясно также происхождение неваров и время заселения ими Долины.

Автор отмечает, что по своей культуре, обычаям и языку невары значительно отличаются от остальных народностей Непала. Среди самих неваров представлены также различные расовые типы — от южноевропеоидного до типично монголоидного, но преобладает переходный тип. Поэтому Г. С. Непали осторожно оговаривается, что «термин «невар» применяется для обозначения нескольких этнических групп прошлого, которые, в результате смешения в течение столетий, слились в единую народность с общими традициями языка и другого культурного наследия. Поэтому было бы грубым упрощением считать, что они (невары.— А. П.) имеют общее расовое происхождение» (стр. 18). Далее автор книги высказывает предположение, что среди предков современных неваров были абхирь, личчави, вайшья-тхакуры, карнатаки, наяры, кираты и еще какая-то этническая группа, которая стала основой современного неварского типа, но характер которой исследователями не выяснен.

Неясно и происхождение самого названия «невар». Часть ученых полагает, что «невар» и «Непал» — фонетические варианты одного слова¹, но Г. С. Непали указывает, что для обозначения жителя в неварском языке употребляются аффиксы *ai* (-ai) или *mi* (-mi) и в таком случае их самоназвание было бы непай или непам (стр. 28). Среди неваров бытует предание, что их предками были наяры из Малабара (современный штат Керала в Индии) — браhma-кшатрии, пришедшие в Непал с войском принца Нанья Дэва в 889 г. От наярв якобы и произошло название «невар». Средневековые непальские хроники — ваншавали — также приводят эту версию прихода неваров в Долину. В поддержку традиционной точки зрения автор книги привлекает следующие доказательства: среди неваров из касты шестра сохранилось предание, что их предки были кшатриями; некоторое сходство в культуре Малабара и Долины (например, в архитектуре); совпадение нескольких географических названий, например рек Годавари и Гокарна; общность культа змей; сходство нескольких лексических элементов, а также некоторое сходство в институтах семьи и брака (стр. 29).

Следует сказать, что к настоящему времени собрано уже довольно много материалов, высказаны определенные точки зрения, и в такой большой работе, вероятно, следовало более полно осветить вопрос о происхождении неваров. Указания на сходство, порой явно случайное, с другими народами (вплоть до кхасов и палаунов из Шанского государства в Бирме) не вносят никакой ясности. По неизвестным причинам даже не упоминается мнение Д. Р. Регми, крупнейшего непальского историка, убедительно пытающегося доказать, что древнее название «кираты», встречающееся уже в «Махабхарате», относится к неварам². Тем более странно, что хорошо известные работы Д. Р. Регми отсутствуют в прилагаемой к книге библиографии.

О неварском языке также сообщаются довольно скудные сведения. Автор книги указывает, что невари относится к тибето-бирманской группе, что имеется также одно слово из языка малаялам, и далее рассуждает о влиянии языков семьи мунда (стр. 79—81). Такой подход вызывает некоторые возражения, так как в результате заслоняется главное — родство невари и других тибето-бирманских языков, а именно родство языков должно учитываться при определении родства народов или этнических групп. Поскольку неварский язык относится к тибето-бирманской группе языков, правильно было бы предполагать, что основой неварской народности были племена тибето-бирманского происхождения. Хотя около $\frac{3}{4}$ неварских слов и самостоятельны, родство невари и других языков той группы несомненно. В качестве примера приведем несколько неварских и (в скобках) тибетских слов: два — ни (ньи), три — со (сум), пять — нья (нга), девять — гу (гу), дерево — синг (шинг, синг), огонь — ми (мэ), холм — танг (тханг). То обстоятельство, что сходство между неварским и другими языками тибето-бирманской группы — минимальное, еще не является доказательством индийского происхождения неваров, так как все языки гималайской ветви этой группы (кроме бхотиа, шерпа и гурунг) стоят дальше друг от друга, чем тибетский от бирманского. По мнению С. Е. Яхонтова, эти языки отделились от тибето-бирманского языка-основы в середине IV тысячелетия до н. э.³

Вероятнее всего, приход неваров в Непальскую долину относится ко времени древнейшего расселения тибето-бирманских племен. В более позднее время предки неваров подверглись сильному культурному влиянию индийских народов, переняли у них религию, кастовую систему, литературный язык (санскрит), некоторые обычаи и традиции. Последующие пришельцы из Индии, пока они были немногочисленными, ассимилировались местным неварским населением, главным образом из высших каст,

¹ Из новейших работ см., например: D. L. Snellgrove, *Expériences népalaises, «Objets et mondes. La revue du musée de l'Homme»*, Paris, été 1966, t. VI, fasc. 2, p. 91.

² D. R. Regmi, *Ancient and medieval Nepal*, Kathmandu, 1952, p. 3—4.

³ С. Е. Яхонтов, Глоттохронология и китайско-тибетская семья языков, Доклад на VII Международном конгрессе антропологических и этнографических наук, М., 1964, стр. 4.

отличающимся в настоящее время менее выраженной по сравнению с низшими кастами монголоидными чертами. В XII—XVI вв. в связи с завоеваниями афганских правителей поток иммигрантов из Индии увеличился и соотношение неваров и индийцев в Непальской долине сильно изменилось.

Большой интерес представляет основная часть книги. В результате внимательного наблюдения, тщательной обработки и многократной проверки фактов Г. С. Непали была сделана работа, которая по богатству материалов о жизни, обычаях, религии, кастовой системе неваров превосходит все написанное о невах до сих пор, вместе взятое. Интересные наблюдения автор дополняет сравнениями с особенностями других народностей Непала, чаще всего — гуркхов, под которыми здесь подразумевается часть населения страны, говорящая на языке непали.

Самым характерным занятием неваров обычно считается торговля, и даже слово «торговец» стало синонимом «невара». Действительно, в руках неваров сосредоточена почти вся торговля страны, но в Долине ею занимается сравнительно небольшая часть неварского населения, в основном представители высших каст, а остальные являются крестьянами и ремесленниками. Раньше у неваров была сложная система ирригации, основой для которой служили водоемы на возвышенных участках. В настоящее время водоемы используются, как указывает автор книги, для снабжения возросшего населения Долины питьевой водой, и урожай зависит главным образом от дождей. В отличие от гуркхов, невары для обработки земли не применяют плуга. Более того, использование плуга грозит по традиции неварскому крестьянину исключением из касты. Несмотря на это, невары — искусные земледельцы, и получают сравнительно высокие урожаи риса, пшеницы, овощей и других культур. Однако большинство неварских крестьян испытывает недостаток продовольствия из-за высокой полунатуральной ренты, которую они должны выплачивать землевладельцу.

Невары с древних времен славятся как хорошие ремесленники. Ремесло делится на два вида: производство предметов культа, которым занимаются высокие касты, и производство предметов домашнего обихода, в котором заняты невары из более низких каст. Профессии обычно наследуются вместе с кастой. В настоящее время некоторые виды ремесла пришли в упадок в результате импорта промышленных товаров, в первую очередь изделий текстильной промышленности.

Наряду с земледелием и торговлей важным видом занятий для части неваров является служба в государственных учреждениях. На военную службу невары не призывались: гуркхские правители наложили запрет на призыв неваров в армию, который был отменен лишь в 1950 г.

Дома неваров обычно трехэтажные, часто построенные целиком из кирпича (иногда кирпичные стены только у нижнего этажа). В поселении каждая каста занимает определенное место: в центре — служители культа, рядом — высокие касты чхатхария, шрестха и др., на окраине — касты крестьян. Неприкасаемые селятся за пределами поселения.

Автор очень высоко оценивает неварскую архитектуру, выделяя в качестве ее лучших образцов храмы Сваямбхунатх, Пашупатинатх, Ньятапола, Таледжу и др. Буддийский неварский храм строится в форме ступы, индуистский — пагоды. Существование, впервые высказанное Гамильтоном, что распространённый в ряде стран Востока стиль пагод был создан в Непале⁴. Такого же мнения придерживался известный историк С. Леви⁵. К сожалению, Г. С. Непали ограничивается лишь перечислением различных точек зрения. Более полное освещение неварской архитектуры позволило бы дополнить картину культурных связей неваров.

Неварской народной музыке, песням и танцам в книге отводятся всего два абзаца. Этого явно недостаточно, так как уровень музыкальной культуры неваров очень высок: каждая кастовая группа имеет «наса кхолу» — своего рода школу, где мальчиков обучают музыке и пению. Богата также литература на невари, который употребляется в качестве литературного языка наряду с санскритом с XIV в.⁶ Однако о ней тоже говорится слишком мало.

Наиболее полно и подробно Г. С. Непали осветил обычай неваров, их кастовую организацию и религию.

В обрядах, сопутствующих рождению ребенка, у неваров много общего с другими индустрами. Отличия немногочисленны: женщина рождает только в доме мужа, присвоение ребенку имени не связано ни с какой особой церемонией. Девочки в возрасте от 4 до 11 лет вступают в традиционный брак с богом Нараяном, который по этой церемонии символизируется плодом дерева бел. Этому символическому браку — их — придается очень большое значение. Их дает право неварской женщине на развод и на второй брак, так как она всегда считается замужем за бессмертным Нараяном, и действительный брак имеет меньшее значение.

⁴ Hamilton, An account of the kingdom of Nepal, Edinburgh, 1819, p. 29.

⁵ S. Lévi, Le Népal. Etude historique d'un royaume hindu, Paris, vol. II, 1905, p. 10—12.

⁶ Л. А. Агашина, Непальская литература, М., 1964, стр. 20.

Хотя буддизм и индуизм признают переселение душ, невары из низших каст не имеют об этом никакого представления. Для них смерть — дело рук божества или злого духа. В отличие от гуркхов, в большинстве случаев невары не выносят умирающего из дома, а оставляют его в специальной комнате. Трупы обычно кремируются.

Большой интерес представляет глава о кастах. По традиции считается, что чуждое разделение неваров на касты было произведено царем Джаястхити Маллой в XIV в., разделившим население Долины на 64 касты. У Г. А. Оулдфильда мы находим описание 52 каст⁷. Г. С. Непали удалось установить наличие лишь немногим более 20 каст, и он считает, что упрощение кастовой системы частично можно объяснить немногочисленностью неварского населения. Наряду с этим происходит процесс своеобразной унификации кастовой системы у индуистов и буддистов: в настоящее время по названиям отличаются лишь четыре высшие касты, а все остальные носят одинаковые названия у обеих религиозных групп неваров. Автор подчеркивает, что кастовые ограничения у неваров менее строги, чем у гуркхов, и проявляются главным образом в предписании наследственности занятий и правилах приема пищи. Возможны браки между смежными кастами. Дети от такого брака занимают промежуточное положение, а с течением времени могут даже подняться выше по кастовой лестнице.

В отдельной главе книги рассматривается неварская семья. Традиционные патрилинейные семьи бывают очень большие: 40, 70 и даже 100 человек, но теперь преобладают средние семьи. Например, в Катманду они обычно состоят из 4—12 человек (в среднем — 7). Наблюдается дальнейшая тенденция к уменьшению семьи. Многоженство (не более двух жен) встречается редко, и только в том случае, если от первой жены не было детей. Разводы также бывают довольно редко, но они возможны либо с взаимного согласия мужа и жены, либо в случае ухода жены с другим. Если жена кладет на грудь умирающего супруга два ореха бетеля, это также обозначает развод, и она освобождается от траура. Родственники мужа это всегда приветствуют, так как жена в таком случае отказывается от права на наследство.

В главе о религии Г. С. Непали указывает, что обе религии неваров — буддизм и индуизм — подверглись сильному взаимному влиянию. Из описания автора можно заключить, что неварский буддизм характеризуется тремя особенностями: 1) признанием большинства индуистских божеств; 2) признанием кастовой системы; 3) отсутствием монашества.

Невары-индуисты — в основном шиваиты. Они поклоняются Шиве главным образом в форме Бхайрава, т. е. Гневного Шивы. Невары чтут также его сына Ганеша, Вишну, Кришну и др. Признают они также буддийские божества, поэтому основное различие между последователями двух религий заключается в предпочтении священнослужителя — индуиста или буддиста. Важными объектами поклонения большинства неваров также являются различные злые и добрые духи, водоемы и многие животные. В заключение главы о религии Г. С. Непали приходит к двум выводам: 1) «преобладающей чертой неварской религии является анализм», 2) «Пантеон неварских божеств очень похож на их собственную социальную систему» (стр. 340). По-видимому, у неваров, как и у многих народов Южной Азии, наиболее древние анимистические представления все еще очень сильны и живучи.

Книга «Невары» Г. С. Непали является очень ценным исследованием, а в ряде случаев и единственным источником по многим вопросам, касающимся социальной структуры неварского общества, быта и религии неваров. Недостаточно полное освещение некоторых вопросов, затронутых в книге, существенно не снижает ее значения. Книга представит большой интерес не только для непадведов, но и для широкого круга этнографов, историков религии, индологов и социологов.

А. А. Праззуск

⁷ H. A. Oldfield, *Sketches from Nepal*, London, 1880, p. 177—187.

НАРОДЫ АМЕРИКИ

А. Н. Шлепаков. *Иммиграция и американский рабочий класс в эпоху империализма*. М., 1966, 501 стр.

Советское иммигрантоведение пополнилось в минувшем году большой книгой А. Н. Шлепакова. Разрабатываемая в ней тема, несмотря на ее важность, далеко не достаточно исследована в марксистской литературе, как советской, так и зарубежной. Массовые миграционные движения, сыгравшие значительную роль практически в истории всех народов, во многом определяют состав населения большинства стран и его этнические характеристики, были особенно важны для Америки. Разумеется, закономерности миграций меняются в зависимости от исторической эпохи, в которую они происходят. В книге А. Н. Шлепакова рассматривается иммиграция империалистической эпохи, причем изложение доведено до наших дней. Главный предмет книги — иммиграция в США и американский рабочий класс — составляет важнейший